

Двадцать седьмое февраля, семь вечера.

День и ночь небо рвало землю ледяной смесью дождя и снега, и вот, наконец, все стихло.

Три часа. Ровно столько Ци Чуань простоял в коридоре, не решаясь войти.

Шестьдесят восемь раз. Ровно столько раз в тишине больничной палаты прозвучало его имя.

Фу Гэ собирал вещи. Лишь горстку, жалкие остатки прошлого, которое больше не имело ни веса, ни смысла. Коробка бумажных салфеток с узором жёлтого колокольчика, тарелка с нарисованным медведем, охалка мультяшных грелок для рук – бесполезный хлам, который в чужих руках не стоит ничего, но в его – целая вселенная.

Каждый раз, когда он убирал очередную вещь в чемодан, его голос, ровный, как растянутый шелк, снова и снова звучал в пустоте:

— А-Хань, это забрать?

Шестьдесят восемь раз. Ни одного ответа.

И только когда тихо скрипнула дверь, разделявшая реальность и беспмятный бред, только когда приглушенный голос выдал из себя:

— Сяо Гэ, пора. Дедушка ждёт нас.

Фу Гэ не обернулся. Его слабая, исхудавшая фигура склонилась над вещами:

— Подожди... Еще немного... Скоро три.

— Три? - переспросил Ци Чуань.

— В три он приносит мне картошку фри. Сегодня... с медово-сливочным соусом.

Это был их секрет. Каждый день ровно в три Ци Хань стучал в его окно, пряча за спиной упаковку хрустящих ломтиков.

Скоро три. Его картошка фри вот-вот будет здесь.

Но Ци Чуань сказал:

— Он не придёт. Ни сегодня, ни когда-либо ещё.

Рука Фу Гэ застыла над стопкой аккуратно сложенной одежды, но глаза он не поднял. Только тихо, почти про себя, произнёс:

— Не может быть. Он всегда приходит. Сегодня утром сам сказал мне ждать его.

Ци Чуань стиснул зубы, а в уголках его глаз засела едкая, покрасневшая тень.

— Это было позавчера утром. А сейчас... он уже арестован.

Вешалка выпала из пальцев, ударилась о холодный кафель. Фу Гэ моргнул, в пустоте его взгляда запоздало отражался смысл этих слов.

— Уже... арестован...

— Да. Вчера, на вашей свадьбе. Через пятнадцать минут после начала полиция вошла и забрала его. Всё шло по плану.

Он не двигался. Стоял, глядя куда-то сквозь стены. Потом медленно, с трудом перевёл взгляд обратно.

— Понятно... Я... забыл.

Фу Гэ смотрит на пустую тарелку с нарисованным медведем и глухо шепчет:

— Значит... сегодня не будет картошки фри... Но я ведь уже подготовил тарелку.

Ци Чуань закрыл глаза, перевёл дыхание, достал из кармана значок с цифровой планетой и протянул ему:

— Если хочешь, я куплю. Но сейчас главное - восстановить твою память.

— Не надо.

Фу Гэ сделал шаг назад, уклонился от его руки, будто от удара.

— Мне не нужно помнить. Не хочу.

Ци Чуань напрягся.

— Сяо Гэ... у тебя опять галлюцинации? Ты его видишь? Что он сказал?

Фу Гэ улыбнулся - медленно, странно, будто слушал кого-то, кого больше нет.

— Да, вижу. Это имеет значение?

— Конечно. Мне нужно понимать твое состояние.

Но Фу Гэ уже не слышал. Он смотрел в угол, туда, где стоял он.

Бета тихо повторил:

— Он сказал... "Поздравляю, малыш, с выпиской. Теперь мы наконец можем вернуться домой."

В машине было холодно. Он зажёл сигарету, затянулся. Ветер хлестнул ему в лицо, полный крошек ещё не растаявшего снега.

— Сначала домой или за картошкой? — спросил Ци Чуань.

Фу Гэ долго молчал. Потом сказал:

— Винодельня.

— Зачем? Всё уже кончено.

Фу Гэ не ответил. Просто посмотрел в окно и вдруг, будто бы невзначай, спросил:

— А вчера... я был счастлив?

— Вчера ты пил, — тихо сказал Ци Чуань. — И... ты танцевал.

— А... значит, я был счастлив, да?

Руки на руле судорожно сжались. Он не сказал главного: тот танец был под снегом.

Снег шёл густыми хлопьями. Фу Гэ кружился, долго, слишком долго, пока в размытой жиже из воды, крови и грязи не осталась только его тень. А потом он просто упал — прямо на окровавленный газон.

Этот снег принес ему лихорадку, день и ночь в беспамятстве. Когда Ци Чуань его нашёл, он только очнулся.

Ци Хань арестован. Всё, что принадлежало ему, заморожено. Лишь одна вещь осталась нетронутой — этот винодельческий особняк.

Когда их машина остановилась у ворот, Фу Гэ долго смотрел на полустёртые следы чужих ног, на грязь, оставшуюся после бегства гостей.

— Здесь... никто не убирал?

Ци Чуань с сомнением оглядел разбросанные украшения, обрывки лепестков и ткани.

— После ареста все разбежались. Агентство, которое занималось оформлением, решило не возвращаться — посчитали это местом несчастья.

Фу Гэ сухо усмехнулся.

— Несчастье, да.

Его первая свадьба была разрушена Ци Ханем. Вторая — им самим. Кажется, это судьба. Видимо, он так и должен был остаться один.

Ци Чуань долго молчал, а потом несмело коснулся его плеча.

— Сяо Гэ, поехали домой? Дедушка ждёт. Или... ты хочешь побыть один?

Ответа не последовало.

Фу Гэ просто молча подошёл к аллее роз, той самой, что он сам спроектировал. Там, среди слежавшегося снега, валялся мусор — обрывки бумаги, сломанные ленты, засохшие лепестки. Он начал убирать их по одному.

Пальцы, погружённые в снежную кашу, немели, наливались сизо-белым цветом, но он этого не замечал.

— Сяо Гэ... что ты делаешь?

Фу Гэ был бледен до прозрачности, но нос и глаза налились болезненной краснотой. Казалось, он вот-вот заплачет. Но он не мог.

А если нельзя плакать — остаётся только смеяться. Смех вышел кривым, жалким, болезненным.

— Езжай. Я хочу побыть один.

Фу Гэ взял с собой три вещи.

Запечатанную бутылку свадебного вина. Коробку свадебного печенья, уцелевшую под столом, не размокшую от дождя. И букет “Джувьетты”, собранный его собственными руками.

Он бережно поставил их перед могилой Ци Цзи. Там же, рядом, лежало приглашительное, которое той ночью оставил Ци Хань. Вот и всё, что осталось от свадьбы. Теперь всё на месте.

Фу Гэ медленно стер снег с надгробия рукавом, но взглянуть на фотографию не решился.

Он сел спиной к могиле, закурил. Потом взял горящую сигарету и прижал её к запястью левой руки. Кожа там уже была вся в следах ожогов, почти сожжённая.

— Вчера... мы поженились. А потом его забрали.

— Я знаю, мне не следовало сюда приходить, но... мне больше некуда. Я не смог найти могилу отца...

После смерти родного отца Фу Гэ осталось наследство — немалая сумма, которую он мог получить лишь по достижении совершеннолетия. Опекун, Фу Чжэньин, всю жизнь скрывал от него место захоронения, выжидая момент, когда сможет прибрать деньги к рукам.

Фу Гэ знал, что его обманывают. Но тогда он согласился даже на унижительную сделку с Ци Ханем — лишь бы узнать, где похоронен отец.

Только Ци Хань тоже его обманул.

Фу Чжэньин умер, унеся с собой эту тайну. До самой казни он так и не сказал ему ничего. Бета потерял последний шанс узнать правду.

— Мы не виделись шестнадцать лет. Я ищу, но не нахожу. На Цинмин кто-нибудь приходит к нему? В холодные дни хоть кто-то стирает снег с его надгробия? Я женился дважды... дважды не зная, куда отнести приглашение. Всё это время... думал ли он обо мне?

Фу Гэ медленно опустил голову, спрятав лицо в коленях. В пальцах — измятая, так и не отданная пригласительная открытка.

— Дядя Ци... я так скучаю по нему. Но у меня даже фотографии не осталось...

Когда отец умер, Фу Гэ было всего семь. Почти сразу его дом, его прошлое, его семья — всё оказалось в руках Фу Чжэньина. От детства остались лишь пара старых игрушек и альбом с фотографиями.

Но когда суд признал Фу Чжэньина виновным, дом опустел. Судья позволил Фу Гэ забрать своё, но... он не успел.

Ци Хань не выпустил его из того дома. Когда наконец выпустил, уже не осталось ничего — ни игрушек, ни фотографий, ни дома. И ни его самого.

Он хотел нарисовать отца, но рука не поднималась. А когда снова смог держать карандаш, лицо в памяти уже стерлось.

— Говорят, прежде чем сделать что-то важное, надо рассказать об этом родным, словно загадывая желание. А потом... исполнится оно или нет — всё равно нужно вернуться и поблагодарить.

Фу Гэ повернулся, чуть подвинул вперёд коробку с бисквитами и бутылку вина.

— Печенье я пёк сам. Вино он выбирал. Немного отсырело... но вы не обессудьте, попробуйте хоть чуть-чуть.

Рядом — охапка роз, влажных, подмёрзших, лепестки уже тронула хрупкая ледяная корка. Он бережно растёр их в ладонях, согревая, придавая цветам прежнюю форму.

— Вы знаете, что это за розы?

Ответил сам себе:

— Джульетта. Он выращивал их сам.

После поездки в Литанг буквально рыл землю, построил теплицу, нанял лучших садовников. Два неудачных сезона, сотни погибших саженцев, месяцы бессонных ночей. И всё ради этих нескольких сотен цветов, самого идеального оттенка.

Внутри — тёплый абрикос, снаружи — нежно-розовое сияние, словно губы Фу Гэ, сочные,

мягкие, будто спелая мякоть персика.

— Когда они, наконец, зацвели, он вбежал ко мне с охапкой, — Фу Гэ приоткрыл руки, показывая, сколько в них тогда поместилось цветов, — весь в грязи, но сияющий, как идиот. Говорил о розах даже во сне.

Фу Гэ вдруг улыбнулся — светло, но с печалью.

— Он был так счастлив. Чёрт возьми, так счастлив. Я не видел его таким много лет.

Глаза опустились на покинутый могильный камень.

— Не волнуйтесь. Он не будет долго мучиться. Я всё рассчитал.

Время прибытия полиции, маршрут входа, рассадку гостей, даже те лепестки, что ветер разметал по воздуху, — Фу Гэ репетировал это снова и снова, выверяя каждую деталь, пока не убедился: от начала до конца всё займёт не больше десяти минут.

— Я ведь всё спланировал. Всё должно было быть иначе. Почему же ему... было так больно?..

Осколки воспоминаний — тонкие, как лезвия стальной проволоки, — вспороли его разум, разрезая на сотни крошечных фрагментов. И в каждом — вчерашний день, застывший, как заезженная плёнка кошмара.

Ци Хань с проломленной головой, с переломанными ногами, придавленный к полу чьим-то сапогом. Медленно, надрывно, истекая кровью, он ползёт к нему, цепляется пальцами за ткань, за воздух, за последнюю надежду, шепчет одними губами: “Надень кольцо.”

Его тут же отбрасывают назад, вжимают в грязь, заставляют встать на колени.

“Ты меня обманывал с самого начала, да?”

Фу Гэ сглотнул, не справившись с комом в горле:

— Он... столько крови выплюнул. Целую лужу. Она попала на арку. Даже ночной ливень не смыл её. Наверное, потому что я сказал ему... что сжёт всё, что он копил.

Он провёл дрожащими пальцами по виску, словно пытаясь загнать память обратно, но воспоминания прорывались наружу, тянули за собой невидимые нити, разрывая грудь.

— Но я же столько раз ломал его вещи. Сжигал, топтал. Почему только в этот раз... он

выглядел так, будто потерял всё?

— Я не знаю, что там было. В той комнате.

Фу Гэ закрыл глаза, чуть покачнулся.

— Я украл у него ключ, заглянул внутрь, но... времени было слишком мало. Я успел увидеть только табличку на двери.

“Во всей моей короткой, убогой жизни — единственная радость.”

Этой надписи хватило.

Фу Гэ даже не стал смотреть, что хранил там Ци Хань. Он просто вызвал людей, и пока его только что объявленный муж ехал на собственную свадьбу, его память уже летела в огонь.

Фу Гэ медленно вытащил из кармана небольшой, плоский свёрток в жёлтой крафтовой бумаге. Положил перед могилой.

— Один я оставил. Не смотрел, не сжёг. Пусть хоть что-то останется.

Он поднялся, в последний раз склонил голову в поклоне, развернулся, собираясь уйти.

Но внезапный порыв ветра подхватил бумажный свёрток, закружил в воздухе и швырнул прямо в лужу с талым снегом.

Фу Гэ дёрнулся вперёд, на автомате бросился поднимать его. Но одна сторона уже промокла насквозь.

Опасаясь, что содержимое испорчено, он развернул бумагу, высыпал всё на ладонь. Изнутри выкатился тонкий шёлковый браслет, на конце которого висел крохотный молитвенный барабан.

Белый хада.

Фу Гэ застыл. Губы шевельнулись, но голос оборвался, так и не прорвавшись наружу.

— Почему... оно здесь... Я же... выбросил его...

Он метнулся обратно к свёртку, залез в него рукой, нащупал что-то ещё под браслетом.

Вытащил.

Это была старая бумага, тонкая, чуть пожелтевшая, с заломами на сгибах.

Фу Гэ узнал её сразу. Ту самую, что когда-то спрятал в альбом, чтобы отвязаться от Фу Чжэньина.

Ту самую, что рисовал сам. На лицевой стороне — карандашный набросок. Ци Хань, каким он его запомнил. На обратной — свежая, едва выцветшая надпись.

Первое, что он увидел, была аккуратно сложенная верхняя часть листа:

“На самом деле я тоже сделал себе браслет. Только так и не решился его надеть.

Потому что Сяо Гэ сказал — он приносит долгую жизнь. А я не могу. У меня её не будет. Свадьба — это срок, который он мне оставил.

Мой Сяо Гэ ненавидит меня до мозга костей. Долго, тщательно, шаг за шагом приближается к финалу. Остался только последний ход. Я помогу ему. Не позволю, чтобы он слишком устал на этом пути.”

Пальцы свело судорогой. Фу Гэ стоял, обездвиженный, затянутый в плотный кокон зимней куртки, но чувствовал себя так, словно его погрузили в ледяную воду. Кровь вскипела, сорвалась в бешеный бег и ударила в голову, распирая череп изнутри, заливая глаза слепым, расплавленным ужасом.

— ...Что это...

Он знал. Знал, что Фу Гэ его ненавидит. Знал про план. Про ловушку. Про то, что его ведут на убой. Знал — и всё равно пришёл.

Внезапный порыв ветра сорвался с гор, швырнул в лицо ледяные снежные иглы, с грохотом ударил в надгробие. Фу Гэ рухнул на колени.

Снег ложился пластами, слёзы капали вниз, он сдирал их с лица застывшими пальцами, размазывал, но глаза продолжало заливать, и он уже ничего не видел.

Бумага в его руках намокла, расплзлась, но он всё равно расправлял её пальцами, добираясь до оставшейся половины.

Буквы проступили сквозь размытые пятна.

“После свадьбы я собирался сдать. Я знаю, что он уже не может держать маску. Знаю, что торговля железами слишком опасна. Если он что-то упустит, его потащат за собой.”

Я оставил всё в 404-й. Надеюсь, Чэнь Син сможет забрать и похоронить меня подальше от него.”

“В ту ночь в горах, когда я чуть не умер от аллергии, я смотрел, как он уезжает верхом. И подумал: может, просто перестать бороться?”

“Если бы у меня был другой шанс... Я бы хотел, чтобы всё было иначе.”

“Я не хочу, чтобы меня били. Не хочу бояться игл. Не хочу, чтобы отец умирал у меня на глазах. Не хочу проходить через периоды восприимчивости, не хочу терять контроль.

“Я просто хотел быть нормальным. Хотел, чтобы у нас был дом.”

<http://bllate.org/book/14453/1278346>